27 МАЯ 1941 ВЕЧЕРНИЙ «БАКУ»

ОНИ ЗНАЛИ МИРЗУ ДЖАЛИЛА

ВЕЛИКИЕ художники, хоть и подвластны физической смерти, продолжают жить в сердце народа. Счастлив писатель, чьи гуманистические идеи и самоотверженная борьба связаны со стремлением народа к свободе, счастью, кто оставил в его душе неизгладимые следы. Таков замечательный сын азербайджанского народа Джалил Мамедкулизаде.

О Мирзе Джалиле, его творчестве написано много исследований и рассказано воспоминаний. Каждый, кто имел счастье работать вместе с ним, кто не только сочувствовал, но и активно помогал ему в большой, исполненной мужества борьбе, может по праву считать это время самым значительным в своей жизни. Молодому поколению радостно слышать полные искренней симпатии слова о выдающемся писателе. Они имеют особое значение, когда их слушаешь из уст людей, мастеров культуры, которые непосредственно сталкивались с Джалилом Мамедкулизаде.

На днях редакция вечерних газеты «Бакы» и «Баку» провела встречу с теми, кто знал Мирзу Джалила и близко соприкасался с ним, с собратьями великого писателя по перу, корреспондентами и художниками журнала «Молла Насреддин», первыми исполнителями ролей в бессмертной комедии «Мертвецы».

На этой встрече были также член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР, доктор искусствоведения Джафар Джафаров, доктор филологических наук Аббас Заманов, кандидат филологических наук Азиз Мирахмедов.

Мы публикуем отрывки из стенограммы этой встречи и надеемся, что страница воспоминаний поможет дополнить представление читателей об облике великого азербайджанского писателя и послужит подарком к его столетию.

Гусейнага ГАДЖИБАБАБЕКОВ,

народный артист Азербайджанской ССР

МНЕ ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ принять участие в первой постановке комедии «Мертвецы». Тогда я был молод, пылал любовью к театру. Люди сведущие говорили, что у меня хороший голос. Это привело меня в труппу братьев Гаджибековых. Вы знаете, до революции все женские роли исполняли мужчины. Мне тоже приходилось это делать довольно часто.

1916 год оказался счастливым в моей сценической жизни. Апрельские дни выдались жаркими. Я спускался вниз по нынешней Коммунистической улице. Мирзаага Алиев, увидев меня, остановился и сказал, что приехал Мирза Джалил, привез с собой пьесу «Мертвецы». Приди, говорит, в шесть часов вечера в гостиницу «Исмаиллийе». Когда я пришел, Узеир Гаджибеков, Наджафбек Везиров, Гусейн Араблинский, окружив Мирзу Джалила, беседовали. В тот день собрались актеры-любители, и роли были распределены. Роль Кефли Искендера получил Мирзаага Алиев, Шейха Насруллаха—Аликули Гамкюсар, Кябля Фатьмы—Юнис Нариманов, Назлы—я.

Азиз Мирахмедов: За сколько же дней поставили вы «Мертвецов»?

Г. Гаджибабабеков: Быстро. Каждый с огромной охотой работал над своей ролью. На подготовку ушло всего 20—25 дней.

Джафар Джафаров: Приходил ли Мирза Джалил на репетиции?

Г. Гаджибабабеков: Да, приходил. Пять-шесть раз. Участвовал в наших репетициях. Каждый раз давал ценные советы, указания.

А. Мирахмедов: Говорят, во время премьеры религиозные деятели и гочи хотели поднять скандал. Как это было?

Г. Гаджибабабеков: Премьера шла в театре Тагиева. (Сейчас это театр музыкальной комедии). Первый ряд заняли наемные бандиты—гочи. И мы боялись, волновались. Кончился спектакль—в зале раздались шумные аплодисменты. Мирзу Джалила не раз вызывали на сцену и приветствовали. Может быть, именно поэтому никто из гочи не тронул нас.

А. Заманов. В Баку были даны два представления. Много ли было зрителей?

Г. Гаджибабабеков: На первом представлении чуть меньше, в большинстве интеллигенция. Но на втором зал был переполнен. В то время из Тифлиса вызвали известного певца Сеида Шушинского. Он пел в антрактах.

А. Мирахмедов: Говорят, во время второго представления сколько ни аплодировали, вызывая автора, он не выходил на сцену. Зрителям сказали, что Мирза Джалил болен. Правда ли это?

Г. Гаджибабабеков: Мирза Джалил был скромен, потому и не вышел. Должен сказать, что спектакль прошел с огромным успехом. На следующий день все газеты писали о «Мертвецах». За всю свою деятельность на сцене я не видел другого спектакля, наделавшего столько шума.

Алекпер ГУСЕЙНЗАДЕ,

заслуженный артист Азербайджанской ССР

ГУСЕЙНАГА прав, премьера «Мертвецов» прошла с очень большим успехом, вылилась в торжество нашей сцены. Несмотря на то, что я выступаю на сцене с 1906 года, за всю свою творческую деятельность не видел спектакля, обладающего такой силой воздействия. «Мертвецы», можно сказать, взбудоражили все образованные слои. В премьере участвовали такие известные артисты, как Аликули Наджафов, Сидги Рухулла, Мирзаага Алиев, Мирза Мухтар, Рза Дараблы. Я играл Гаджи Гасанагу. В успехе спектакля большую роль сыграл режиссер Гусейн Араблинский — гордость нашей сцены. Он учил нас больше заботиться о том, чтобы заставить призадуматься зрителей, а не смешить их.

А. Заманов: Алекпер муэллим, а почему в печати режисером назван Сарабский?

А. Гусейнзаде: Что режиссером был Араблинский — это точно. Он принимал участие во всех репетициях, словно заранее предвидел успех постановки. Но то, что в печати режиссером назван Сарабский, это, кажется, было сделано с согласия самого Араблинского. У Сарабского была влиятельная, сильная опора. В то время много угрожали Араблинскому. Даже помню, как однажды вечером, скрываясь от гочи, он убежал через черный ход. Поэтому из осторожности во время представления «Мертвецов» он нигде не указывал своей фамилии.

А. Мирахмедов: В каких ролях вы выступали в последующих представлениях «Мертвецов»?

А. Гусейнзаде: Во всех постановках после премьеры я играл только Шейха Насруллаха. Эту роль я вообще считаю в своем репертуаре одной из основных. Когда Кефли Искендера играл великий артист Аббас Мирза Шарифзаде, появление и столкновение на сцене этих образов, воплощающих разные миры — мертвецов и живых, вызвали особенный шум.

Дж. Джафаров: Разве Аббас Мирза играл Искендера?

А. Гусейнзаде: Да, играл. Примерно, в 1924 году. В постановке Ахмеда Тринича. В этом спектакле было много оригинального. Шейх Насруллах появлялся на сцене на ишаке. Начиная от премьеры, я смотрел все постановки «Мертвецов» и каждый раз замечал что-то новое, необычное.

Мустафа МАРДАНОВ, народный артист Азербайджанской ССР

ВПЕРВЫЕ с Мирзой Джалилом я познакомился в мануфактурной лавке своего отца. Мой отец Гаджи Гашим и дядя Абдул Мухаммед очень любили искусство, особенно театр, оказывали ему материальную поддержку. Лавка отца в Тифлисе превратилась в место сбора образованных людей. Здесь часто говорили о школе, театре, литературе. В этих беседах участвовали Мирза Джалил, Аликули Гамкюсар, Омар Фаик Неманзаде, Мамедага Шахтахтлы, Эйнали Султанов и другие. Интерес к театру у меня зародился благодаря этим посещениям, беседам этих людей о сценическом искусстве, которые я часто и охотно слушал. Учился я тогда в гимназии и мечтал связать всю свою жизнь с театром. Но Гусейн Араблинский и Мирза Джалил отговорили меня от мысли оставить учебу. Мирза Джалил сказал мне: «Закончишь образование — как хочешь, так и поступай. А неграмотный актер ни на что не годен».

А. Мирахмедов: Когда вы показали в Тбилиси премьеру «Мертвецов»?

М. Марданов: После Баку постановкой «Мертвецов» занялись в Тифлисе. Режиссером был Мирзаали Аббасов. Роль Шейха Насруллаха играл Исмаил Хагги, Искендера—Надир Ибрагимов, Гаджи Гасана—я, Кербалаи Фатьмы—Тарлан ханум. Пьесу мы поставили в нынешнем руставелевском театре.

Дж. Джафаров: Расскажите, пожалуйста, поподробнее о ваших ереванских гастролях.

М. Марданов: В том же году мы, группа актеров, гастролировали в Эривани. В наш репертуар входили «Кузнец Кова», «Мертвецы», «Аршин мал алан», «Несчастный юноша». Джалил Мамедкулизаде попросил, чтобы роль Шейха Насруллаха играл не Исмаил Хагги, а Аликули Гамкюсар. В канун гастрольной поездки на репетицию пришел и сам Мирза Джалил, дал некоторые советы и вычеркнул из текста несколько предложений. Во время репетиции, когда Надир Ибрагимов поднес ко рту бутылку водки, Мирза Джалил остановил его и сказал: «Нет, так не выйдет. Ты так красиво пьешь эту водку, что может соблазниться даже такой непьющий человек, как я. Ты пьешь водку не для удовольствия, а с горя. Ты должен пить ее, как лекарство, и изображать состояние человека, принявшего это лекарство. Тогда ты достигнешь своей цели».

Мирза Джалил и мне дал некоторые советы. Говорил, что я должен делать так, чтобы не быть в роли Гаджи Гасана похожим на других гаджи. Ты хоть и не веришь в воскрешение мертвых, подсказывал он мне, но должен прикинуться, что веришь, чтобы не ронять свой авторитет среди мусульман.

В Эривани «Мертвецы» прошли с аншлагом. Мы все были очарованы игрой Гамкюсара. Я не знал, что делать: роль свою исполнять или смотреть на созданного им Шейха Насруллаха. В тот вечер мы без конца радовались необычайному успеху спектакля. Но должен сказать, что радость эта оказалась недолгой. Следующим утром ко мне вбежал насмерть перепуганный сторож гостиницы. «Господин Марданов, — вскричал он, — вашего товарища убивают». Торопливо одевшись, я спустился вниз. Смотрю—перед гостиницей уложили окровавленного Аликули Гамкюсара. Оказывается, Аликули с утра пораньше пошел собирать материал для «Моллы Насреддина» и оказался в гуще фанатичных мусульман. Те узнали «безбожника, сына безбожника», задававшего их религию, их шейхов, и зверски избили его.

В тот же день мы отправили Гамкюсара вместе с Исмаилом Хагги в Тифлис.

Али ХАЛИЛОВ, бывший директор Нахичеванского государственного театра имени Джалила Мамедкулизаде, пенсионер

В 1911 ГОДУ я вместе с Бехрузом Кенгерли для продолжения образования поехал в Тифлис. С помощью Мирзы Джалила и Эйнали Султанова Бехруз поступил в художественное училище, а я — в профессионально-техническое. В художественном училище в то время преподавали Шмерлинг и Роттер.

Зная, что Бехруз — земляк Мирзы Джалила, они проявляли о нем особую заботу. Шмерлинг преподавал рисование и в нашем училище.

Часто бывая в редакции журнала «Молла Насреддин», я очень интересовался работами обоих художников. Однажды я зашел сюда, чтобы повидать Мирзу Джалила. Здесь были Омар Фаик, Аликули Гамкюсар, Мамедали Сидги и Роттер. Во время беседы Мирза Джалил, обратившись к Роттеру, сказал, что в очередном номере журнала будет помещена корреспонденция о мусульманских банях. Надо сделать соответствующий рисунок. Затем, повернувшись к Сидги, поручил тому пойти вместе с Роттером в баню «Шахбаз» на Шайтанбазаре. «Но примите меры, чтобы никто об этом не проведал». Эта карикатура вышла в одном из очередных номеров журнала.

По окончании училища я получил назначение в школу «Рюшдийе» в Нахичевани. Через некоторое время в Нахичевань прибыл Аликули Наджафов. Воспользовавшись этим, мы вместе с нахичеванскими любителями театра поставили пьесу Мирзы Джалила «Мертвецы». Спектакль тогда подготовил Рза Тахмасиб, сейчас профессор, народный артист республики. Он сам и исполнил роль Искендера. В роли Шейха Насруллаха выступал Аликули, а я — Мирбагир-аги.

Сидящий здесь Теймур Касумов в одном из представлений «Мертвецов» в Нахичевани играл роль Искендера. Его младший брат Аббас Касумов в 1926 году был в Нахичевани уполномоченным «Моллы Насреддина» и распространял журнал среди читателей.

А. Мирахмедов: Известно, что на здание, в котором игрались «Мертвецы», было нападение, имущество труппы сожгли, а актеры получили письма с угрозами.

А. Халилов: Да, это так. Постановка пьесы вызвала серьезное недовольство отсталых, цепляющихся за старое людей, представителей духовенства. Именно по их указке в 1917 году, на следующий день после спектакля, три человека жестоко избили Аликули Гамкюсара, когда он выходил из дому. 26 марта 1918 года мы снова поставили пьесу «Мертвецы». После спектакля неизвестные лица разрушили помещение театрального общества «Имдад» и похитили вещи актеров.

После победы Советской власти в Азербайджане был восстановлен Нахичеванский театр, и «Мертвецы» заняли прочное место в нашем репертуаре.

Сона ГАДЖИЕВА,

народная артистка Азербайджанской ССР

Я НЕ ВИДЕЛА Мирзу Джалила, мне не доводилось встречаться с этим великим человеком. Но считаю себя счастливой тем, что была одной из первых актрис, игравших в спектаклях по его произведениям.

В 1920 году я работала в театре «Сатир-агит». Выступала в эпизодических ролях. В те годы в «Сатир-агите» работала и моя мать Азиза ханум. Она и вовлекла меня в театр. В 1923 году я перешла в нынешний Азербайджанский государственный академический драматический театр имени Мешади Азизбекова. В это время готовилась постановка спектакля «Мертвецы». Моя мать сыграла роль Кябля Фатьмы, я — Назлы. То была одна из моих самостоятельных и интересных ролей.

Позднее я выступала и в других ролях. Но я никогда не смогу забыть тот спектакль, в котором участвовала вместе с такими мастерами сцены, как Аббас Мирза Шарифзаде, Мирзага Алиев, Исмаил Идаятзаде.

Сулейман МЕЛИКОВ, старший научный сотрудник Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС — института истории партии при ЦК КП Азербайджана

ПЕРВОЕ мое знакомство с Джалилом Мамедкулизаде состоялось у Мамедали Сидги. В то время я работал в газете «Коммунист». Писал фельетоны за подписями «Гамишкули», «Гырагданбахан», «Абульхол» и другими.

А. Заманов: Сулейман муэллим, расскажите нам, пожалуйста, об истории подписей «Абульхол» и «Гырагданбахан».

С. Меликов: Однажды Мамедали Сидги сказал мне: «Приходи вечером к нам. Будет Мирза Джалил». В тот вечер я познакомился с Мирзой Джалилом. Он спросил: «Вот ты пишешь за подписью «Абульхол», а бывал ли когда-нибудь в этом священном месте?» Я ответил, что не бывал, но, когда мне было семь лет, отец взял меня с собой в Хорасан. Услышав это, Мирза Джалил сказал с улыбкой: «Как же так — отец столько потратил денег на тебя, повез в Хорасан, почему же тебя не зовут «мешади»? Отныне я буду звать тебя «Мешади Сулейман».

Немного позднее он вновь завел речь о моих подписях. Спросил: «Почему ты смотришь со стороны?» («Гырагданбахан» — тот, кто смотрит со стороны). Я почувствовал, что он хочет, чтобы я принимал непосредственное участие в «Молле Насреддине».

В начале 1926 года я перешел из газеты «Коммунист» в журнал «Молла Насреддин» — ответственным секретарем. Тогда только что переходили на новый (латинский—Ред.) алфавит. Газеты поразному писали отдельные слова. Например, в одних и тех же словах «Коммунист» писал «г», а «Молла Насреддин» «х». После перехода в журнал я начал все «х» заменять на «г». Мирза Джалил направлял материалы мне. А я, обработав их, засылал в набор. Однажды, после выхода очередного номера журнала, Мирза Джалил позвонил мне и сказал: «Сулейман, не трать так много времени на «х»...

В связи с этим Мирза Джалил написал фельетон. В нем он писал, что однажды пойдет на собрание и будет слушать долгие, нудные выступления — начнет потихоньку дремать, а затем храпеть. Пусть скажут тогда: «Кто это там грапит?».

Мирза Джалил был и требователен, и заботлив. В те времена я, очень занятый редакционными хлопотами, около месяца не публиковался в журнале. Однажды Мирза Джалил сказал: «Сулейман, что-то я не вижу твоих фельетонов». Я ответил: «Мирза, я очень занят». Мирза сделал серьезную мину. «Сулейман, — сказал он, — был один сапожник. Однажды, когда его спросили: «Мастер, почему последнее время не шьешь обувь», — он ответил: «Занят по горло». Как по-твоему, чем может быть занят сапожник?». Я понял намек Мирзы.

Несмотря на то, что в те годы Мирза был стар и болен, он с большой охотой выпускал журнал. Да и журнал хорошо распространялся. «Молла Насреддин», кроме стран Ближнего Востока, имел подписчиков в Китае, Японии, Америке.

Исмаил АХУНДОВ, народный художник Азербайджанской ССР, лауреат Государственной премии

ГЛАВНЫМ «виновником» моего прихода в мир искусства был Мирза Джалил. Наша семья питала большое уважение к Мирзе Джалилу и журналу «Молла Насреддин». Мой отец Мир Гусейн, хоть и был священником—ахундом, придерживался прогрессивных взглядов, высоко ценил науку, культуру и старался воспитывать своих детей в новом духе. Мой старший брат покойный Сеидага был квалифицированным наборщиком, увлекался сценой. Участвовал в небольших актерских труппах, часто выступал в театральных представлениях в рабочих клубах. Второй мой брат Сеидали был учителем. Третий брат Багир сейчас заслуженный учитель. Он выступал в журнале за подписями «Бах», «Эйри чалма», «Санджан», «Баджын». Я четвертый, самый младший брат. В то время, рассматривая рисунки в журнале «Молла Насреддин», я и сам пытался рисовать.

Старший мой брат Сеидага в первые годы Советской власти в спектакле «Мертвецы» сыграл в рабочем клубе роль Шейха Насруллаха. В 1923 году, когда в Маштагах под руководством заслуженного артиста республики Гаджимамеда Кавказлы поставили пьесу «Мертвецы», мы все четверо братьев выступили в основных ролях. Сеидага сыграл Шейха Насруллаха, Сеидали-Гаджи Гасан-агу, Багир — Мир Багир-агу, а я — Джалала. Интересно, что в то время мы не могли найти костюма для Шейха Насруллаха. Сеидали тайком от отца прихватил из дому его одежду и вышел в ней на сцену. На следующий день поднялся переполох. Набожные крестьяне начали упрекать, ругать моего отца, а некоторые даже оскорбляли его. Чтобы заткнуть им рты, отец для видимости ругал нас и грозился высечь. Вскоре мы вынуждены были переехать в город.

В 1926 году мой брат Багир привел меня в редакцию «Моллы Насреддина». В то время я учился на последнем курсе семинарии и более или менее преуспевал в живописи. Брат представил меня Мирзе Джалилу и он поручил мне нарисовать карикатуру, высмеивающую модный тогда в средних школах комплексный метод. Он объяснил, что этот метод мешает общему развитию школьника и чересчур перегружает учителя. Я нарисовал учителя, с тяжелым ящиком на спине поднимающегося по ступенькам. На ящике я написал слова «комплексный метод». Рисунок понравился Мирзе Джалилу, и он опубликовал его на обложке журнала. Это был мой первый шаг в мире искусства. Затем я стал более активно сотрудничать в журнале. До поездки на учебу в Ленинград в 1928 году в журнале «Молла Насреддин» я опубликовал несколько карикатур. Когда, завершив образование, я вернулся в Баку, Мирзы Джалила уже не было в живых.

Газанфар ХАЛЫКОВ, заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР, художник

МОЙ ОТЕЦ был подписчиком «Моллы Насреддина». Каждый номер журнала я встречал, как радостное событие. В первую очередь, меня привлекали помещенные в нем рисунки, обладающие большой сатирической действенностью. Это и послужило главной причиной того, что я стал художником. В 1924—1925 годах я уже работал в качестве художника в комсомольской печати, особенно в газете «Гяндж ишчи» («Молодой рабочий»). Однажды мне передали, чтоб я зашел в редакцию «Моллы Насреддина». Я пошел туда. Мирза Джалил сказал: «Ты молодой художник, попробуй свои силы в нашем журнале». Я ответил, что не имею достаточного опыта для этого. Мирза Джалил сказал: «Поначалу все бывают неопытными. Никто сразу не стал большим художником. Сам видишь, художников сейчас у нас мало. Надо, чтобы молодые помогали нам». Мирза Джалил воодушевил меня. Вскоре я уже стал одним из активных художников журнала.

Дж. Джафаров: Темы вам давал сам Мирза?

Г. Халыков: Да, сам. Днем раньше он или рассказывал случай, или давал материал, на основе которого надо было рисовать карикатуру. Готовый рисунок внимательно просматривал, иногда делал замечания, заставлял делать заново.

А. Мирахмедов: Вы начали свою сатирическую деятельность, в основном, с «Моллы Насреддина», не так ли?

Г. Халыков: Да, «Молла Насреддин» стал большой школой для моего дальнейшего творчества, пробудил во мне особый интерес к сатире.

Алимамед МУСТАФАЕВ, заслуженный учитель республики, персональный пенсионер

НАЧИНАЯ с 1909 года я выступал в «Молле Насреддине» и других журналах за подписями «Сяфех Шамахылы», «Хевескяр», «Мирза Фыштырыг». Над своими корреспонденциями работал с большой охотой и ответственностью. Когда статья не нравилась Мирзе Джалилу, он, например, на последней странице журнала сообщал автору, что случайно уронил ее... в мусорный ящик.

Я обычно писал из Шемахи о царящих здесь нравах.

Я в то время очень хотел встретиться с редактором любимого журнала. Как-то вместе с Гусейном Мустафаевым поехал в Тифлис. Посетил редакцию журнала. Здесь было несколько человек. Когда я спросил Мирзу Джалила, веселый человек в рубашке с короткими рукавами сказал: «Я — это я, он — это он, тот — это тот. А ты — кто?» Я ответил: «А я Сяфех Шамахылы». Им понравилось, что я сказал это в тон.

Впоследствии я неоднократно встречался с Мирзой Джалилом.

А. Мирахмедов: Алимамед муэллим, платил ли «Молла Насреддин» гонорар?

А. Мустафаев: До революции гонорар выплачивался только М. А. Сабиру.

С. Меликов: В годы Советской власти журнал за большие материалы платил гонорар всем, в том числе и мне.

Мамедали НАСИР, персональный пенсионер

СВОЕ воспоминание о Мирзе Джалиле хочу начать с одного случая. Было это в 1912 году. Однажды под вечер какой-то незнакомец вошел в наш двор и спросил отца. Мои мать и сестры, увидев его, спрятались. Я позвал отца. Поздоровавшись с гостем, он пригласил его в дом. Мне было интересно, кто этот человек — я слушал их беседу. Тот сказал отцу: «Гаджи, в Тифлисе выходит журнал «Молла Насреддин». Положение его тяжелое. Читателей мало. Мы должны помочь. Я пришел подписать тебя на журнал».

Это неожиданное предложение смутило моего отца: «Я очень уважаю вас. Ради вас пойду на все. Но прошу об одном» сколько надо, дам денег, только не приносите в наш дом эту рисованную газету». Сказав это, отец протянул гостю золотую десятку. Тот взял, вынул из своего кармана какую-то бумажку и что-то записал в нее. Позже я выяснил, что гостем этим был Багир Рзаев, сочувствовавший и помогавший «Молле Насреддину».

Через несколько дней я был на почте. Там, кроме письма и газет, мне дали еще разрисованный журнал. Это был «Молла Насреддин». Но боясь отца, я прятал журнал и читал его тайком.

Прошло несколько месяцев. Я регулярно читал журнал «Молла Насреддин» и затем прятал. Отец узнал об этом. Однажды вечером, когда мы ужинали, под нами вздрогнула земля. Когда волнение улеглось, отец, что-то вспомнив, схватил меня за ухо: «Где рисованные газеты того безбожника?». Я, боясь его гнева, принес журналы, положил перед ним. Он разорвал и бросил их в печь. Когда журналы сгорели дотла, отец сказал: «Видишь, земля успокоилась. Значит, причиной толчка были журналы того гяура».

А. Мирахмедов: Расскажите, пожалуйста, о вашей первой встрече с Мирзой Джалилом.

М. Насир: Однажды вместе с зятем я поехал в Тифлис. Он повел меня в редакцию «Моллы Насреддина», познакомил с редактором и дал ему мой фельетон о «читальне» фанатиков. По возвращении в Эривань я с нетерпением ждал номера журнала с моей корреспонденцией. Наконец, я прочел ее в «Молле Насреддине». Правда, по указке суеверов меня пырнули ножом, но не смогли ослабить мой интерес к журналу. Позже я начал часто выступать на страницах «Моллы Насреддина» за подписями «Гарынгулу», «Анаш гурбага».

Ибад АЛИЕВ, старший научный сотрудник Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС — института истории партии при ЦК КП Азербайджана

ВПЕРВЫЕ годы Советской власти я работал в Сальянах в комитете комсомола. Часто выступал в печати. Помню, в женотдел уездного комитета партии мы привлекли некую Мину и поручили ей политическую работу среди женщин. Как оказалось, Мина вела двойную игру: прикидывалась сторонницей Советской власти, а на самом деле собирала у себя дома женщин и одурманивала их религией. Об этом я написал фельетон за подписью «Молла Сарсахкули» и послал в журнал «Молла Насреддин». Спустя некоторое время на мое имя поступило письмо из редакции. В нем советовали еще раз тщательно проверить факты, чтобы редакция потом не оказалась в неудобном положении.

Я серьезно еще раз проверил описанный случай, сделал кое-какие добавления к корреспонденции и снова послал в журнал. Она вышла в номере журнала за 28 декабря 1923 года под заголовком «Религиозное медресе моллы Забиты». Выступал я в журнале и за подписью «Молла Мина ханум».

Вместе со мной много корреспонденций из Сальян на страницах журнала опубликовал и присутствующий здесь мой друг кандидат технических наук Агагусейн Бадалов.

НА СНИМКЕ (СЛЕВА НАПРАВО, СИДЯТ) А. МУСТАФАЕВ, А. ГУСЕЙНЗАДЕ, М. МАРДАНОВ, ДЖ. ДЖАФАРОВ, Г. ГАДЖИБАБАБЕКОВ, С. ГАДЖИЕВА, А. ЗАМАНОВ, С. МЕЛИКОВ, Т. КАСУМОВ; (СЛЕВА НАПРАВО, СТОЯТ) А. ХАЛИЛОВ, И. АХУНДОВ, М. НАСИР, А. МИРАХМЕДОВ, А. БАДАЛОВ, И. АЛИЕВ, А. КАЗИМОВ, Г. ХАЛЫКОВ, А. КАСУМОВ.